

УДК 008(5) (575.2)(04)

МЕСТО АЗИИ В ДИХОТОМИИ ВОСТОК–ЗАПАД

В.Д. Горячева

Обосновано место Центральной Азии в дихотомии Восток–Запад с точки зрения археологии и культурологии.

Ключевые слова: Восток; Запад; Евразия; Центральная Азия; типы культур; цивилизация.

Как только в культуре человечества природное начало было вытеснено социальным, началось противостояние цивилизаций, идеологий, образа жизни. Борьба за власть и рынки сбыта, захват природных ресурсов для обогащения верхушки правителей отдельных стран, колониальные, захватнические войны и другие проявления агрессии сопровождали народы постоянно и создавали канву истории, в которой образовались устойчивые психологические стереотипы, образы врага, чужака-иноверца, страны-антипода, и т.д. Постепенно это противостояние обосновывалось идеологически, например расколом христианской церкви на Западную (Римскую) и Восточную (Византийскую, Сирийскую и т.д.); произошло деление философских школ и литературных направлений (на западные и восточные типы) и, наконец, выделение культурных генотипов миров Запада и Востока.

Стало принятым считать, что современная западная цивилизация является преемницей античной греко-романской и христианской культур, а все, что лежало за ее восточными пределами, – это Восток. Однако в культурологии, как правило, он представлен четырьмя странами – Китаем, Японией, Индией и Халифатом (исламским Ираном и Аравией). В разработанной исторической типологии культуры ученые-культурологи оперируют именно этими регионами, но изучение культур Востока, как в синхронном, так и диахронном их рассмотрении, не отражает всего многообразия и общей картины развития восточных цивилизаций. Эта проблема была и остается в истории культуры, поскольку существует объективно разная степень их изученности – с древнейших времен до современности. Как отметил А.Я. Гуревич, “единого масштаба, под который можно было бы подогнать все цивилизации и эпохи, не существует, ибо не су-

ществует человека, равного самому себе во все эти эпохи” [1, с. 7]. Поэтому всякая типология культур и цивилизаций Востока и Запада весьма условна. Но она существует, причем по целому ряду философско-исторических и культурологических теорий. Важной методологической проблемой остается сложный вопрос о природе типологического обобщения [2, с. 110].

В общей разработке типологии мировых культур появились различные классификации, среди которых наибольшим вниманием пользуется разделение цивилизаций по религиозному принципу в изложении А. Тойнби, О. Шпенглера: это христианский (западный) и все остальные (восточные) типы – индубуддийский, даоско-конфуцианский, арабо-мусульманский и т.д. Типология оспаривалась уже современниками этих культурологов как не отражающая всего многообразия восточных культур и прогнозирующая многие “промежуточные” цивилизации в огромных регионах, в частности Российском. Так, уже в XIX в. проблема “Восток–Запад–Россия” была заявлена П.Я. Чаадаевым в “Философских письмах”. Она нашла продолжение у Н.Я. Данилевского, В. Соловьева, Н. Бердяева, в разработках теории “культурно-исторических типов” П.А. Сорокина. Вторая половина XX в. отмечена целым рядом публикаций о России – “Между Востоком и Западом”, или “На оси Восток–Запад” [3]. Евразийская цивилизация, евразийство как феномен культуры в культурологии отражает в основном эпоху XIX–XX вв., и исключительно Российскую диаспору, в том числе и тюркоязычную.

К этой теме интерес не ослабевает, появляются публикации в Кыргызстане с раскрытием особенностей духовной жизни народов Востока и Запада, но в традиционных регионах появились новые теории об альтернативных путях к цивилизации [4].

Одна из современных трактовок дихотомии Восток–Запад предложена К. Шмитом. Она определяется через особое пространственно-географическое восприятие цивилизаций, в которых социокультурные импульсы проявляются стихиями Суши или Моря. Используя греческий термин “номос” для обозначения структуризации пространства (номос – нечто взятое, оформленное, упорядоченное, организованное” в сфере пространства), К. Шмит объясняет историю извечной культурной конфронтации Востока и Запада дуализмом мирового пространства Суши и Моря. “То, что мы сегодня называем Востоком, представляет собой единую массу твердой суши: Россия, Китай, Индия – громадный кусок суши, “Средняя земля”, как ее называл английский географ Х. Макиндер. То, что мы именуем сегодня Западом, является одним из мировых Океанов, полушарием, в котором расположены Атлантический и Тихий океаны. Противостояние морского и континентального миров – вот та глобальная истина, которая лежит в основе объяснения цивилизованного дуализма, постоянно порождающего планетарное напряжение и стимулирующего весь процесс истории” [5, с. 286–287].

Согласно теории К. Шмита, иконография сухопутного пространства, обусловленная номосом Земли, дает тип восточных цивилизаций, определяемых стихией Суши, с хорошо налаженными коммуникациями, стабильными границами и консерватизмом политических культур Востока.

Номос Моря, напротив, олицетворяет западный тип цивилизаций, где изменчивость и непостоянство, подобно водной стихии морского пространства, не поддается детальной структуризации, а культурные проявления динамичны, текучи и подвержены непрерывным инновациям.

Эта теория современных культурологов-“глобалистов” не может быть принята с точки зрения истории этносов, населявших Сушу и острова Моря с глубокой архаики, на протяжении веков и тысячелетий выработавших хозяйственно-культурные типы, переживших миграционные людские потоки в разных направлениях, государства, не раз менявшие политические границы, религиозные убеждения, системы письменностей и жизненные ценности. Не раз менялся и сам статус восточных и западных цивилизаций, как и приоритет их на арене Мировой истории.

Можно ли Россию, Китай и Индию объединить в понятие “Восток”, как это делают К. Шмит и его последователи? Каждая из этих стран имеет выход к морям и омывается океаном.

А “Срединная земля” Х. Макиндера – это другое понятие, именно – Центральная Азия, под которой не менее известный географ XIX в. Ф. фон Рихтгофен предложил объединить страны, чьи водные протоки не достигли Мирового океана. Это: современные республики Средней Азии, Казахстан, Монголия, Тибет, Южная Сибирь, Афганистан и Восточный Туркестан [6, с. 14–15]. Открытые здесь в XX в. древние культуры Маргианы, Парфии, Бактрии, Давани, Хорезма и Согда, археологические комплексы скотоводов и кочевников Евразии, известных грекам как туры (саки, дахи, кангюи), заявили о себе в “полный голос” и завоевали свое место в системе ценностей между Востоком и Западом. Вместе с тем Центральная Азия определяется как макрорегион с цивилизациями городского типа на юге и миром кочевников и протогородской цивилизации на севере в системе Евразийского континента, где, в свою очередь, выделяются древнейшие высокоразвитые культуры Кавказа, лесостепные культуры типа Триполье – Кукутени в Молдове – Украине, Аркаим – Синташта в Приаралье и другие эталонные памятники Ариев и туров, перевернувшие традиционно “устоявшиеся” критерии в оценках и типологии цивилизаций.

Не менее впечатляющи и значимы для Всемирной истории открытия археологов, лингвистов, историков и религиоведов для эпохи раннего и развитого Средневековья в Центральной Азии, но, к сожалению, не нашедшие до сих пор отражения в культурологических изданиях и учебниках для вузов и школ.

Между тем этот огромный континент – колыбель иранских и тюркских этносов современного мира, переживших яркий процесс культурного синтеза и сыгравший ведущую роль в культурогенезе Центральной и отчасти Передней (турки) Азии, Кавказа и Поволжья. Тюркские каганаты VI–XII вв. (а это степные империи с развитой оседлостью и крупными городами) являются ярким примером творческих взаимодействий ирано- и тюрко-язычных народностей, проявления толерантности как в религиозно-культурной сфере (при распространении буддизма, христианства, зороастризма, манихейства), так и в социальных отношениях (это верховная власть тюрков при сохранении родного языка и местной культуры). Внешнее признание тюркского политического господства было характерной чертой евразийского культурогенеза и остается одной из характерных черт развития цивилизации Центральной Азии на многие столетия, вплоть до монгольской эпохи, которая сама по себе – еще не разгаданный феномен Центральной Азии.

Ни один период во Всемирной истории не породил столько мифов и противоречий в мировой литературе, как образ Чингисхана и его потомков. Историческая география политического мифа о деяниях монголов отражает в основном западную точку зрения на мир Азии, который открывается им только в середине XIII в. через “наблюдателей” – францисканцев, носителей иной культуры, а потому созданные ими сочинения и карты мира не отражают истинных реалий. Весь корпус западноевропейских источников об империях и завоеваниях Чингисхана мифологичен [7, с. 12–13], а следовательно, неверно отражает дихотомию Восток–Запад и для эпохи позднего Средневековья.

Литература

1. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.

2. *Кононенко Б.И.* Основы культурологии. М.: ИНФРА-М, 2003.
3. Россия и Восток: Цивилизационные отношения // *Цивилизации и культуры.* Вып. 2. М., 1995.
4. *Крадин Н.Н. и др.* Альтернативные пути цивилизаций. М.: Логос, 2000.
5. *Массон В.М.* Эпоха первых цивилизаций юга Центральной Азии // *Записки Восточного отделения Российского археологического общества.* Новая серия. Т. II (XXVII). СПб., 2006.
6. *Василенко И.А.* Политическая глобалистика. М.: Логос, 2000.
7. *Юрченко А.Г.* Историческая география политического мифа: Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб.: Евразия, 2006.